

Достоевский

Фёдор Михайлович

1821 -1881

Классики

за 30 минут

Классики за 30 минут

Достоевский за 30 минут

«Мельников И.В.»

Достоевский за 30 минут / «Мельников И.В.»,
— (Классики за 30 минут)

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения. В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе.

Содержание

Биография Ф. М. Достоевского (1821 – 1881)	5
Мальчик у Христа на ёлке	10
История создания	10
Краткий пересказ и анализ произведения	11
Полный текст произведения	12
Преступление и наказание	15
«Психологический отчет одного преступления»: история создания и анализ романа «Преступление и наказание»	15
Фрагменты текста романа «Преступление и наказание»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Биография Ф. М. Достоевского (1821 – 1881)

Федор Михайлович Достоевский – классик русской литературы XIX века, писатель-романист мирового уровня.

Будущий великий писатель родился в Москве 30 октября (11 ноября) 1821 года. В роду Достоевских были священнослужители: родной дедушка писателя, Андрей Григорьевич Достоевский. Отец, Михаил Андреевич (1789–1839), – медик, служил врачом и в полку, и в госпитале, и в больнице для неимущих. Наградой за долгую отличную службу явилось получение им права на потомственное дворянство в 1827 году. В 1831 году Михаил Андреевич купил село Даровое (в Тульской губернии) и через два года – соседнюю деревню Черемошню. В 1839 году в этой деревне отец умер, в поле, по всей видимости, от апоплексического удара, и был обнаружен спустя два дня. Есть легенда, согласно которой отца Достоевского убили его крепостные крестьяне за жестокое с ними обращение. Однако многие биографы убедительно доказывают, что характер Михаила Андреевича был вовсе не жесток, а слухи эти распущены соседом, имевшим с Достоевскими земельную тяжбу. Сам Федор Михайлович вспоминал о своем детстве только в светлых тонах, говорил о родителях как о людях прогрессивных, любящих друг друга и детей. Именно отец привил ему любовь к литературе, в частности к Шиллеру и Пушкину. Отец научил его читать, познакомил со Священным писанием. Слухи о насильственной смерти отца больно ранили сердце взрослого, но нежно любящего сына. Известно, что известие о смерти отца спровоцировало у Достоевского тяжелый нервный припадок (в будущем у писателя разовьется эпилепсия).

Мать писателя – Мария Федоровна (в девичестве Нечаева; 1800–1837). В семье Достоевских всего было семеро детей. Достоевский впоследствии говорил о своих родителях как о людях прогрессивных. В семье любили читать: интересовались новинками иностранной литературы, русскими авторами. Именно на семейных чтениях впервые познакомился маленький Федор с Карамзиным, Жуковским, Пушкиным. Набожная Мария Федоровна читала с детьми Евангелие, возила на богомолье в Троице-Сергиеву лавру.

После начального домашнего образования Михаил продолжил учиться: в полупансионе Н. И. Драшусова (1833), а с 1834 – в частном пансионе Л. И. Чермака, о котором он сохранил самые теплые воспоминания. 1837 год принес Достоевский две огромные потери: сначала умирает мать, потом – Пушкин. Значимость для писателя личности Пушкина выходит за пределы литературы, и впоследствии, в знаменитой «Пушкинской речи», он сделал роль Пушкина в российской и мировой культуре очевидной и для остальных. В мае 1837 г. братья Федор и Михаил Достоевские едут в Петербург, а в январе 1838 г. Федор становится учащимся Главного инженерного училища. Упоминания о первых литературных опытах Достоевского относятся именно к этому периоду. В училище молодой автор привлек к себе единомышленников – любителей литературы драматическими произведениями «Мария Стюарт», «Борис Годунов», «Жид Янкель». От этих драм сохранились лишь воспоминания современников, рукописи до нас не дошли.

После смерти отца братья и сестры Достоевские остаются уже круглыми сиротами. Старшие – Федор и Михаил – получают каждый небольшую сумму в наследство, а младшие братья и сестры поступают на попечительство родственников. К концу 1843 года окончено училище; однако не проработав инженером и года, Достоевский подает в отставку, увольняется в чине поручика и отдает себя литературным занятиям.

1840-е годы

Перевод повести «Евгения Гранде» Бальзака (1844);

роман «Бедные люди» (1845);

- # цикл фельетонов «Петербургская летопись» (1847);
- # повесть «Белые ночи» (1848);
- # повесть «Слабое сердце» (1848);
- # «Неточка Незванова» (1846, неоконч.);
- # анонимное программное объявление к альманаху «Зубоскал» совместно с Некрасовым и Григоровичем (1845);
- # публичное чтение (на вечере у Белинского) глав из повести «Двойник» (1846); рассказ «Господин Прохарчин» (1846);
- # повесть «Хозяйка» (1847).

Роман «Бедные люди», который явился на глаза публике, словно младший литературный брат «Станционного смотрителя» Пушкина и «Шинели» Гоголя, был встречен прекрасно и имел успех. Работая в жанре физиологического очерка, Достоевский показывает подробную анатомию жизни и тех, кто на самом дне, и «высших классов общества». Произведения молодого Достоевского, такие как повести «Слабое сердце», «Белые ночи», цикл социально-психологических фельетонов «Петербургская летопись» и незаконченный роман «Неточка Незванова», выделяются из ряда произведений писателей «натуральной школы» присущим Достоевскому психологизмом. Может быть, Достоевского и сделал всемирно знаменитым этот уникальный дар анализировать сложнейшие внутренние движения души, проникать в мысли героев, чувствовать так, как они. Градус восторженных отзывов о произведениях Достоевского со стороны Белинского значительно снизился (если после появления романа «Бедные люди» он провозгласил «появление необыкновенного таланта», то в повестях «Двойник» и «Хозяйка» он отметил уже растянутость повествования), и в конце 1846 г. отношения Достоевского и Белинского разлаживаются. По принципиальным вопросам возникли у него споры и с редакцией «Современника», и кризис в отношениях с недавними друзьями (Некрасовым, Тургеневым). Обостряются проблемы со здоровьем: именно в это время проявляются первые симптомы эпилепсии. Из-за постоянной нехватки средств Федор Михайлович брался за любые заказы. Весной 1847 года Достоевский принимает участие в кружке Петрашевского, участвует в организации тайной типографии для печатания запрещенных листовок. В апреле 1849 г. за участие в этом кружке писателя арестовывают, признают виновным в «умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка» и приговаривают к смертной казни.

...22 декабря 1849 года на Семеновском плацу была проведена инсценировка смертной казни: осужденных выстроили будто бы для исполнения приговора, но в последний момент появился всадник, объявивший о милости Николая I – казнь была заменена ему 4-летней каторгой с лишением «всех прав состояния» и последующей сдачей в солдаты. И вот писатель отправляется из Петербурга в Тобольск, там его встречают жены декабристов. Евангелие, подаренное ими, он бережно хранил всю жизнь. Четыре года великий писатель работает в должности чернорабочего в Омске, потом его переводят в рядовые и разрешают вести переписку. Постепенно и с помощью хлопот знакомых писатель был восстановлен в правах: через год произведен в унтер-офицеры, затем в прапорщики; весной 1857 писателю было возвращено потомственное дворянство и право печататься, но под полицейским надзором состоял до 1875 года.

В Омске у Достоевского начался роман с Марией Дмитриевной Исаевой, которая была замужем за учителем гимназии Александром Исаевым, имевшим пристрастие к выпивке. В 1855 г. муж Марии Исаевой скончался после долгой болезни. В 1857 Достоевский женился на овдовевшей Исаевой, которая, по его словам, была «женщина души самой возвышенной и восторженной... Идеалистка была в полном смысле слова... и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок». Однако же брак их не был счастливым.

1850-е годы

«Сибирская» тетрадь, содержащая фольклорные, этнографические и дневниковые записи о каторге, послужила источником для «Записок из Мертвого дома» и других книг Достоевского;

был напечатан рассказ «Маленький герой», написанный Достоевским в Петропавловской крепости (1857);

опубликованы две «провинциальные» комические повести – «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» (1859).

В марте 1859 г. Достоевский попросился «по болезни» в отставку и получил разрешение жить в Твери. Выйдя в отставку, Достоевский все свои силы вновь посвящает литературе. К концу 1859 года Достоевскому было разрешено уже жить в Петербурге, куда он немедленно переехал и активно занялся литературной деятельностью: редактировал чужие тексты, писал и публиковал свои статьи, художественные произведения.

1860-е годы

Вместе с братом М. М. Достоевским издавал «почвеннические» журналы «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865);

роман «Униженные и оскорбленные» (1861);

роман «Записки из Мертвого дома» (1862);

роман «Преступление и наказание» (1866);

роман «Идиот» (1868).

Годы, проведенные в Сибири, изменили убеждения Достоевского: он признал народный дух, возвратился к «народному корню». Братья Достоевские выработали идею «почвенничества» – эта модель призвана была примирить славянофилов и западников – народное начало и достижения прогресса. Идея революционного преобразования России была Достоевскому не по душе, он признавал реформы, которые допускают мирное сотрудничество правительства, интеллигенции и народа. Повесть «Записки из подполья» отражает тогдашние взгляды писателя. Достоевский считал, что у России – свой особый путь к «земному раю». Достоевский писал: «Я горжусь, что впервые вывел настоящего человека русского большинства и впервые разоблачил его уродливую и трагическую сторону. Трагизм состоит в сознании уродливости. Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!». Летом 1862 года Достоевский впервые побывал в Европе: Англии, Германии, Франции, Швейцарии, Италии. Известен факт, что в Баден-Бадене Достоевский проигрывается в рулетку «совершенно дотла». Игромания долгие годы была нездоровой страстью писателя. В 1861 году писатель повстречал другую свою роковую страсть – Апполинарию Сулову. Апполинария была известна своим эксцентрическим поведением, красотой, непомерным эгоизмом и страстью к внешним эффектам. Ее образ – это Полина из романа «Игрок», Настасья Филипповна из романа «Идиот». Отношения писателя с Апполинарией продолжались пять лет.

1864 год принес Достоевскому тяжелые утраты. 15 апреля умерла от чахотки его жена, Мария Дмитриевна. По дошедшим до нас свидетельствам можно предположить, что их брак не был счастливым, однако он вдохновил писателя на создание многих женских образов (в частности, образ Катерины Ивановны – «Преступление и наказание»). 10 июня умер брат, Михаил Достоевский. После смерти брата Достоевский пробовал самостоятельно издавать журнал «Эпоха», но в итоге долгов накопилось еще больше, подписка резко упала, и издание

пришлось прекратить. Его долг кредиторам составил 15 тысяч рублей, которые смог выплатить лишь к концу жизни.

В то время Достоевский оказался в безвыходном материальном положении, что отразилось на работе над романом «Преступление и наказание»: глава за главой, свеженаписанные, Достоевский посылает их прямо в журнальный набор «Русского вестника», где они сразу же и печатаются в очередной номер. А с другой стороны над ним нависает угроза потери прав на свои издания на 9 лет в пользу издателя Ф. Т. Стелловского. Чтобы выполнить свои обязательства перед Стелловским, Достоевский должен написать ему роман («Игрок»); таким образом, писателю предстояло вести параллельную работу над двумя романами! Его физических сил на это не хватило, и вот по совету друзей Достоевский нанимает молодую стенографистку Анну Сниткину, которая помогает ему справиться с этой задачей. Анна Сниткина – его будущая жена. закончив роман «Преступление и наказание», писатель уезжает за границу со своей новой женой, Сниткиной. Сниткина взяла на себя обустройство быта, она вела дела писателя. С 1871 года Достоевский навсегда бросил рулетку.

В 1867–1868 гг. Достоевский работал над романом «Идиот». «Идея романа, – указывал автор, – моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее. Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь...»

1870-е годы

«Бесы» (1871–1872);

«Подросток» (1874);

писатель был избран членом-корреспондентом Петербургской АН (1877);

«Братья Карамазовы» (1879–1880);

публицистический «Дневник писателя» (1873–1881).

на Международном литературном конгрессе в Лондоне писатель избран членом почетного комитета международной литературной ассоциации (1879 г.).

В июле 1871 Достоевский с женой и дочерью возвратились в Петербург. Каждое лето, начиная с 1872 года, писатель с семьей проводил в городе Старая Русса, а в 1876 Достоевский приобрел здесь дом. В этом доме написаны романы «Подросток» и «Братья Карамазовы». Интересен опыт Достоевского в создании и ведении «Дневника писателя». Все началось в декабре 1872 года, когда Федор Михайлович соглашается принять на себя временно обязанности редактора «Гражданина». С 1873 г. – уже в должности ответственного редактора начал печатать на страницах журнала «Дневник писателя». Эту идею он вынашивал давно. Весной 1874 г. от редакторства писатель отказывается: подводит здоровье, усиливается эмфизема легких, так что летом 1847 г. он уезжает для лечения в Эмс и повторяет поездки туда в 1875, 1876 и 1879 гг. Пристальное внимание Достоевского к теме «отцы и дети» проявилось в романе «Подросток», опубликованном в «Отечественных записках». Когда в обществе – распад и разложение, когда рушатся устои нравственности, а мир вокруг полон соблазнов, как расти юному существу, какую идею взять за основу? Об этом и размышляет писатель в романе. В кон. 1875 Достоевский вновь возвращается к «Дневнику писателя» (1876 и 1877), имевшему большой успех и позволившему писателю вступить в прямой диалог с читателями-корреспондентами. Автор так говорил о своем детище: «Я не летописец: это, напротив, совершенный дневник в полном смысле слова, то есть отчет о том, что наиболее меня заинтересовало лично». «Дневник» 1876–1877 гг. – сплав публицистических статей, очерков, фельетонов, критики, мемуаров и художественных произведений. В «Дневнике» писатель делится свежими впечатлениями о культурных явлениях России и Европы, говорит о любых проблемах современности, волнующих его: реформы в России, консерватизм, народ-

ничество, социализм. В последние годы жизни Достоевский популярен, знаменит. Он часто выступает, читая отрывки из своего, а также стихи Пушкина. Писатель воочию знакомится с реалиями русской жизни: в 1875 г. он посещает колонии для малолетних преступников, в 1876 г. – Воспитательный дом. В марте 1878 г. Достоевский в зале Петербургского окружного суда наблюдает за процессом Веры Засулич, в феврале 1880 присутствует на казни И. О. Млодецкого, стрелявшего в М. Т. Лорис-Меликова. В «Дневнике писателя», словно в лаборатории, опробовались идеи для последнего романа Достоевского. В конце 1877 г. Достоевский объявил о прекращении «Дневника» в связи с намерением заняться «одной художнической работой, сложившейся... в эти два года издания «Дневника» неприметно и невольно». Речь идет о последнем романе Достоевского – «Братья Карамазовы». 6 июня, в день рождения Александра Сергеевича Пушкина, в 1880 году вся Москва собралась на открытие памятника Пушкину. Речь Достоевского вызвала бурный восторг слушателей, писателя увенчали лавровым венком, который он ночью, вернувшись к памятнику поэта, возложил к ногам Пушкина.

В январе 1881 г. жизнь писателя кипит сильнее обычного: он выступает с речами, возобновляет выпуск «Дневника писателя», готовится к Пушкинскому вечеру 29 января, разучивает роль схимника в «Смерти Иоанна Грозного» А. К. Толстого для домашнего спектакля... Но судьба лучше нас знает, чему суждено случиться. В ночь с 25 на 26 января у Достоевского пошла горлом кровь. Днем 28 января Достоевский попрощался с детьми, и вечером скончался. 31 января 1881 состоялись похороны писателя; почтить память Достоевского пришло огромное количество людей. Он похоронен в Александро-Невской лавре в Петербурге.

Мальчик у Христа на ёлке

История создания

Накануне Рождества 1875 года Федор Михайлович пережил разнообразные впечатления: рождественская елка в Петербургском клубе художников, куда он привел дочь Любу; визит в колонию для малолетних преступников; встреча с «мальчиком с ручкой» на улицах Петербурга в мороз перед Новым годом. Всё это побудило писателя к созданию рождественского рассказа «Мальчик у Христа на ёлке».

Рассказ Достоевского имеет литературные корни: это баллада «Ёлка сироты» (1816 г.) Фридриха Рюккерта – немецкого поэта-романтика; святочные рассказы: «Девочка с серными спичками» Г. Х. Андерсена и «Рождественские рассказы» Ч. Диккенса. По традиции, эти короткие аллегорические рассказы, которые детям читали перед Рождеством, содержали реалистичную историю, при этом весьма поучительную. В данном рассказе показывается, как в тепле и великолепии празднуют Рождество состоятельные семьи, и как с улиц, замерзая в худой одежде, страдая от голода, смотрят на огни в окнах дети бедняков. У них нет праздника в настоящем, у них нет надежды на будущее: став взрослыми, они пополняют ряды пьяниц и воров. Не впервые на страницах произведений Достоевского встречается нам голодный, нищий маленький страдалец: звучит эта тема в произведениях «Бедные люди», «Ёлка и свадьба», «Братья Карамазовы».

Достоевский приступил к рассказу 30 декабря 1875 года, и к концу января «Мальчик у Христа на ёлке» был опубликован наряду с другими материалами о «русских теперешних детях» в январском выпуске «Дневника писателя». В журнале рассказу «Мальчик у Христа на ёлке» предшествовала маленькая главка «Мальчик с ручкой», а первая глава «Дневника писателя» содержала размышления писателя на ту же, «детскую» тему.

Краткий пересказ и анализ произведения

Рассказ состоит из двух глав: «Мальчик с ручкой» и «Мальчик у Христа на елке». Первая – рассуждение о детях, чьей «профессией» с детства становится попрошайничество: гонят пьяницы-родители, выпрошенные деньги пропивают, а не принесешь – бьют. Растущий в холоде, постоянном голоде, в побоях и грязи ребенок вырастает «диким существом», которое не ведает, кто оно, где живет, которое никого не любит и уже ничего не боится.

«Мальчик у Христа на елке» – рассказ, полный щемящей грусти и сострадания к замерзающему ребенку. Маленький (примерно семи лет) мальчонка, проснувшись, находит свою маму, которая почему-то никак не хочет вставать. Она давно уже холодна: видно, умерла во сне, но мальчик не знает, что такое смерть. Не добудившись мамы, он идет в надежде выпросить что-то на пропитание. За окном богатого дома мальчик видит великолепную елку, много света, тепла и игрушек, вкусной еды! Нарядные дети танцуют и веселятся. За другим окном – нарядные барыни раздают всем входящим господам пироги. Мальчик было вошел в дверь – его тут же погнали, барыня дала ему копеечку и сама закрыла за ним дверь. Но в замерзших пальчиках копейка не удержалась, так и укатилась куда-то. Даже в голоде и холоде ребенок остается ребенком: ему радостно смотреть на нарядную девочку, на «живых» куколок. Убежав от ударившего его на улице мальчишки, наш мальчик попадает за поленницу дров. Там он сразу согрелся и заснул. Сначала слух его ласкала песенка мамы, а потом – тихий голос, который позвал его на «Христову ёлку».

Эта елка великолепнее, чем та первая, которую он видел, выйдя на улицу.

– Мама! Мама! Ах, как хорошо тут, мама! – кричит ей мальчик, и опять целуется с детьми, и хочется ему рассказать им поскорее про тех куколок за стеклом. – Кто вы, мальчишки? Кто вы, девочки? – спрашивает он, смеясь и любя их.

– Это «Христова елка», – отвечают они ему. – У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых там нет своей елки... – И узнал он, что мальчишки эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замёрзли ещё в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей, во время самарского голода, четвёртые задохлись в вагонах третьего класса от смрада, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей всё стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнаёт своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слёзы своими ручками и упрощают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...

Так, грезя и радуясь на «Христовой елке», мальчик замерзает во сне.

Полный текст произведения

I. Мальчик с ручкой

Дети странный народ, они снятся и мерещатся. Перед елкой и в самую елку перед рождеством я все встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьем, – значит его все же кто-то снаряжал, посылая. Он ходил «с ручкой»; это технический термин, значит – просить милостыню. Термин выдумали сами эти мальчишки. Таких, как он, множество, они вертятся на вашей дороге и завывают что-то заученное; но этот не завывал и говорил как-то невинно и непривычно и доверчиво смотрел мне в глаза, – стало быть, лишь начинал профессию. На расспросы мои он сообщил, что у него сестра, сидит без работы, больная; может, и правда, но только я узнал потом, что этих мальчишек тьма-тьмущая: их высылают «с ручкой» хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то наверно их ждут побои. Набрав копеек, мальчик возвращается с красными, окоченевшими руками в какой-нибудь подвал, где пьянствует какая-нибудь шайка халатников, из тех самых, которые, «забастовав на фабрике под воскресенье в субботу, возвращаются вновь на работу не ранее как в среду вечером». Там, в подвалах, пьянствуют с ними их голодные и битые жены, тут же пищат голодные грудные их дети. Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка. С набранными копейками мальчишку тотчас же посылают в кабак, и он приносит еще вина. В забаву и ему иногда нальют в рот косушку и хохочут, когда он, с пресекавшимся дыханием, упадет чуть не без памяти на пол,

*...и в рот мне водку скверную
Безжалостно вливал...*

Когда он подрастет, его поскорее сбывают куда-нибудь на фабрику, но все, что он зарабатывает, он опять обязан приносить к халатникам, а те опять пропивают. Но уж и до фабрики эти дети становятся совершенными преступниками. Они бродяжат по городу и знают такие места в разных подвалах, в которые можно пролезть и где можно переночевать незаметно. Один из них ночевал несколько ночей сряду у одного дворника в какой-то корзине, и тот его так и не замечал. Само собою, становятся воришками. Воровство обращается в страсть даже у восьмилетних детей, иногда даже без всякого сознания о преступности действия. Под конец переносят все – голод, холод, побои, – только за одно, за свободу, и убегают от своих халатников бродяжить уже от себя. Это дикое существо не понимает иногда ничего, ни где он живет, ни какой он нации, есть ли бог, есть ли государь; даже такие передают об них вещи, что невероятно слышать, и, однакоже, всё факты.

II. МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ

Но я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу: «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне рождества, в *каком-то* огромном городе и в ужасный мороз.

Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то

халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает. Но ему очень хотелось кушать. Он несколько раз с утра подходил к нарам, где на тонкой, как блин, подстилке и на каком-то узле под головой вместо подушки лежала больная мать его. Как она здесь очутилась? Должно быть, приехала с своим мальчиком из чужого города и вдруг захворала. Хозяйку углов захватили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты стонала от ревматизма какая-то восьмидесятилетняя старушонка, жившая когда-то и где-то в няньках, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, так что он уже стал бояться подходить к ее углу близко. Напиться-то он где-то достал в сенях, но корочки нигде не нашел и раз в десятый уже подходил разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконец, в темноте: давно уже начался вечер, а огня не зажигали. Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена. «Очень уж здесь холодно», – подумал он, постоял немного, бессознательно забыв свою руку на плече покойницы, потомдохнул на свои пальчики, чтоб согреть их, и вдруг, нашарив на нарах свой картузишко, потихоньку, ощупью, пошел из подвала. Он еще бы и раньше пошел, да все боялся вверх, на лестнице, большой собаки, которая выла весь день у соседских дверей. Но собаки уже не было, и он вдруг вышел на улицу.

Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого. Там, откуда он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями; на улице, чуть смеркнется – никого, все затворяются по домам, и только завывают целые стаи собак, сотни и тысячи их, воют и лают всю ночь. Но там было зато так тепло и ему давали кушать, а здесь – господи, кабы покушать! И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз! Мерзлый пар валит от загнанных лошадей, из жарко дышащих морд их; сквозь рыхлый снег звенят об камни подковы, и все так толкаются, и, господи, так хочется поесть, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика.

Вот и опять улица, – ох какая широкая! Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут, а свету-то, свету-то! А это что? Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно. Глядит мальчик, дивится, уж и смеется, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить. И вдруг вспомнил мальчик про то, что у него так болят пальчики, заплакал и побежал дальше, и вот опять видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья, но на столах пироги, всякие – миндальные, красные, желтые, и сидят там четыре богатые барыни, а кто придет, они тому дают пироги, а отворяется дверь поминутно, входит к ним с улицы много господ. Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошел. Ух, как на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Как он испугался! А копеечка тут же выкатилась и зазвенела по ступенькам: не мог он согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбежал мальчик и пошел поскорей-поскорей, а куда, сам не знает. Хочется ему опять заплакать, да уж боится, и бежит, бежит и на ручки дует. И тоска берет его, потому что стало ему вдруг так одиноко и жутко, и вдруг, господи! Да что ж это опять такое? Стоят люди толпой и дивятся: на окне за стеклом три куклы, маленькие, разодетые в красные и зеленые платья и совсем-совсем как живые! Какой-то старичок сидит и будто бы играет на большой скрипке, два других стоят тут же и играют на маленьких

скрипочках, и в такт качают головками, и друг на друга смотрят, и губы у них шевелятся, говорят, совсем говорят, – только вот из-за стекла не слышно. И подумал сперва мальчик, что они живые, а как догадался совсем, что это куколки, – вдруг рассмеялся. Никогда он не видал таких куколок и не знал, что такие есть! И плакать-то ему хочется, но так смешно-смешно на куколок. Вдруг ему почудилось, что сзади его кто-то схватил за халатик: большой злой мальчик стоял подле и вдруг треснул его по голове, сорвал картуз, а сам снизу поддал ему ножкой. Покатился мальчик наземь, тут закричали, обомлел он, вскочил и бежать-бежать, и вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, – и присел за дровами: «Тут не сыщут, да и темно».

Присел он и скорчился, а сам отдышаться не может от страха и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть и стало так тепло, так тепло, как на печке; вот он весь вздрогнул: ах, да ведь он было заснул! Как хорошо тут заснуть: «Посижу здесь и пойду опять посмотреть на куколок, – подумал мальчик и усмехнулся, вспомнив про них, – совсем как живые!..» И вдруг ему послышалось, что над ним запела его мама песенку. «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо!»

– Пойдем ко мне на елку, мальчик, – прошептал над ним вдруг тихий голос.

Он подумал было, что это все его мама, но нет, не она; кто же это его позвал, он не видит, но кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте, а он протянул ему руку и... и вдруг, – о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: все блестит, все сияет и кругом всё куколки, – но нет, это всё мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, берут его, несут с собою, да и сам он летит, и видит он: смотрит его мама и смеется на него радостно.

– Мама! Мама! Ах, как хорошо тут, мама! – кричит ей мальчик, и опять целуется с детьми, и хочется ему рассказать им поскорее про тех куколок за стеклом. – Кто вы, мальчики? Кто вы, девочки? – спрашивает он, смеясь и любя их.

– Это «Христова елка», – отвечают они ему. – У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых там нет своей елки... – И узнал он, что мальчики эти и девочки все были всё такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей, во время самарского голода, четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смрада, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и он сам посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей все стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнает своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слезы своими ручками и упрощают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...

А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забежавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свиделись у господина бога в небе.

И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, – то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа – уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться, или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать.

Преступление и наказание

«Психологический отчет одного преступления»: история создания и анализ романа «Преступление и наказание»

Август 1865 года. Висбаден. Человек, проигравший в рулетку все что имел, вплоть до часов, «в самом тягостном положении» пребывает в отеле, в маленькой комнатке, за долги лишенный питания и даже света в номере. Его сжигает внутренняя лихорадка. Этот человек – русский писатель Федор Михайлович Достоевский. Лишь недавно он продал права на издание полного собрания сочинений в трех томах и обязался написать для своего издателя Стелловского новый роман за три месяца.

Вырученных денег хватило на то, чтобы раздать долги и уехать за границу, но поход в казино стал роковым: все проиграно...

Достоевский начинает роман с описания своей ситуации: за долги бывшего студента Раскольникова перестали кормить на съемной квартире, грозят выгнать с полицией... Мысли его лихорадочно, болезненно возвращаются к одной и той же теории...

Еще отбывая наказание на каторге, Достоевский задумал роман от первого лица, исповедь преступника. Материал для романа дала ему сама жизнь, а именно – опыт каторги, невымысленные истории людей, встреченных там. Из письма брату (октябрь 1859 г.): «В декабре я начну роман... Не помнишь ли, я говорил тебе про одну исповедь-роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. На днях я совершенно решил писать его немедленно. Все сердце мое с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения...» С другой стороны, у романа много литературных предпосылок: «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома» и «Записки из подполья». Кроме того, материалом для романа послужил неизданный роман «Пьяненькие», который в июне 1865 г. Достоевский предложил А. А. Краевскому для «Отечественных записок». У редакции не было денег, так что роман не взяли. Достоевский находился в трудной ситуации, в нужде. Поэтому ему пришлось в июле 1865 г. заключить договор с издателем Ф. Т. Стелловским, передав ему право на издание полного собрания сочинений в трех томах, да еще и взять на себя обязательство написать большой роман к 1 ноября 1866 года. Тут-то и произошла финансовая драма, описанная выше. Голодный, мучимый беспокойством, писатель начинает роман (тогда еще повесть), имеющий великую будущность в мировой литературе. В сентябре 1865 г. Достоевский предлагает свою новую повесть в журнал «Русский вестник», сопровождая предложение письмом издателю. Выдержка из письма: «Действие современное, в нынешнем году, молодой человек, исключенный из студентов университета, мещанин по происхождению и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях, поддавшись некоторым странным, «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху, титулярную советницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работницах свою младшую сестру. «Она никуда негодна», «для чего она живет?», «полезна ли она хоть кому-нибудь?» и т. д. – эти вопросы сбивают с толку молодого человека. Он решает убить ее, наоборот, с тем, чтобы сделать счастливою свою мать, живущую в уезде, избавить сестру, живущую в компаньонках у одних помещиков, от сластолюбивости».

вых притязаний главы этого помещичьего семейства – притязаний, грозящих ей гибелью, – закончить курс, ехать за границу и потом всю жизнь быть честным, твердым и неуклонным в исполнении «гуманного долга к человечеству» – чем уже, конечно, «загладится преступление», если только можно назвать преступлением этот поступок над старухой глухой, глупой, злой и больной, которая сама не знает, для чего живет на свете, и которая через месяц, может быть, сама собой померла бы...» Достоевский считал, что сюжет подобного романа можно было почерпнуть из любой современной газеты. Роман «Преступление и наказание» начал свою жизнь в литературе как скромная повесть. Уже потом в роман вошла история семьи чиновника Мармеладова. Название сразу же заявляет двучастную структуру романа: в первой части – предпосылки преступления и совершение самого преступления, а во второй – душа преступника, рассматриваемая в мельчайших деталях, подвергаемая подробнейшему анализу; как именно действует на нее совершенное злодеяние. Постепенно повесть превращалась в большой роман. В первой его редакции повествование идет от первого лица, как исповедь. Однако по мере расширения повести и превращения ее в роман создателю стало очевидно, что форму надо брать новую – изложение от имени автора («Рассказ от себя, а не от него. Если же исповедь, то уж слишком до последней крайности, надо все уяснять. Чтобы каждое мгновение рассказа все было ясно...»). Поэтому первый – полностью готовый! – вариант романа постигла печальная участь – он был сожжен. Работа началась заново...

Весь процесс работы над романом знаком современному читателю (тем, кто интересуется) по дошедшим до нас, изданным трем записным книжкам Достоевского, которые характеризуют три этапа работы автора. Впоследствии все они были опубликованы. В черновиках романа автор то и дело сам задается вопросом: почему Раскольников решился на убийство? У самого Достоевского нет готового ответа, тут важна и работа наших, читательских душ. Идеологически, схематично идея Раскольникова выглядела так: убить одну «вошь» – бесполезное, но богатое существо, чтобы осчастливить на его деньги много хороших, но бедных людей. В процессе работы над романом писатель развивает характер Раскольникова, прививает ему гуманистические идеалы: «Я не такой человек, чтобы позволить мерзавцу беззащитную слабость. Я вступлюсь. Я хочу вступиться». Но идея убийства из-за любви к другим людям, убийства человека из-за любви к человечеству, постепенно «обрастает» стремлением Раскольникова к власти, но движет им еще не тщеславие. Он стремится получить власть, чтобы полностью посвятить себя служению людям, жаждет использовать власть только для совершения добрых поступков: «Я власть беру, я силу добываю – деньги ли, могущество ли – не для худого. Я счастье несу». Но в ходе работы Достоевский все глубже проникал в душу своего героя, открывая за идеей убийства ради любви к людям, власти ради добрых дел странную и непостижимую «идею Наполеона» – идею власти ради власти, разделяющую человечество на две неравные части: большинство – «тварь дрожащая» и меньшинство – «властелины», призванные управлять меньшинством, стоящие вне закона и имеющие право, подобно Наполеону, во имя нужных целей переступать через закон. В третьей, окончательной, редакции Достоевский выразил «созревшую», законченную «идею Наполеона»: «Можно ли их любить? Можно ли за них страдать? Ненависть к человечеству...» Так, работа над романом приводит самого писателя к пониманию того, что героем движут разнонаправленные сила любви к людям и сила презрения к ним. Сделать Раскольникова праведником или ненавистником? Выбрав лишь в пользу одного, автор нанес бы вред самому роману. И он решает совместить идеи, показав, что в Раскольникове борются два начала либо, как говорит Разумихин о Раскольникове, «два противоположных характера поочередно сменяются». Какой из характеров истинный, ведущий, – решить предстоит читателю. Как и вопрос о финале романа. В одной из черновых тетрадей есть запись: «Финал романа. Раскольников застрелиться идет». Отметим, что если бы героем двигали лишь амбиции Наполеона и он презирал людей как «материал», то застрелиться – был бы выход для него, ибо пре-

ступив черту и посмотрев, что за ней – отчаяние, болезнь от совершенного злодеяния, преступник понял, что жить с этим грузом он не может. Но возродиться к жизни возможно, если очиститься через страдание, принять вину, покаяться: *«Видение Христа. Прощения просит у народа»*. При этом Достоевский понимал, что суд народный для Раскольникова мало значит, как и игра с Порфирием. Что касается мук совести, то они долгое время, даже на каторге, у Родиона отсутствуют: он так и не может понять бесценность, божественность любой жизни – и той, что он отнял. Однако финал романа намекает на осознание, на возможность рождения новой личности. Лишь суд Сони Мармеладовой Раскольников принимает и ему отдается, ведь Соня воплощает «все страдание человеческое». Вот почему в третьей, окончательной, редакции романа, появилась запись: *«Идея романа. I. Православное воззрение, в чем есть православие. Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием»*. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, – есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания. Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает счастья, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание приобретается опытом «за» и «против», которое нужно перетащить на себе». В черновиках последняя строчка романа звучала так: *«Неисповедимы пути, которыми находит бог человека»*. Но Достоевский завершил роман другими строчками, возможно, испытывая сомнения в окончательном обращении Раскольникова к Богу.

Характеристика персонажей (цитатный материал)

Родион Раскольников

И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться.

Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был давлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не боялся, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, угрозы, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, – нет уж, лучше проскользнуть как-нибудь кошкой по лестнице и улизнуть, чтобы никто не видал.

...он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен.

Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу.

Ему показалось, что он как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту.

Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда,

впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются. Ужасно иногда неразговорчив! Всё ему некогда, всё ему мешают, а сам лежит, ничего не делает. Не насмешлив, и не потому, чтоб остроты не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает. Не дослушивает, что говорят. Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то. *(Разумихин)*

Его характеру я никогда не могла довериться, даже когда ему было только пятнадцать лет. Я уверена, что он и теперь вдруг что-нибудь может сделать с собой такое, чего ни один человек никогда и не подумает сделать... *(Пульхерия Александровна)*

Соня

Из толпы, неслышно и робко, протеснилась девушка, и странно было ее внезапное появление в этой комнате, среди нищеты, лохмотьев, смерти и отчаяния. Она была тоже в лохмотьях; наряд ее был грошовый, но разукрашенный по-уличному, под вкус и правила, сложившиеся в своем особом мире, с ярко и позорно выдающеюся целью. Соня остановилась в сенях у самого порога, но не переходила за порог и глядела как потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забыв и о своем перекупленном из четвертых рук, шелковом, неприличном здесь, цветном платье с длиннейшим и смешным хвостом, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках, и об омбрельке, ненужной ночью, но которую она взяла с собой, и о смешной соломенной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером. Из-под этой надетой мальчишески набекрень шляпки выглядывало худое, бледное и испуганное личико с раскрытым ртом и с неподвижными от ужаса глазами. Соня была малого роста, лет восемнадцати, худенькая, но довольно хорошенькая блондинка, с замечательными голубыми глазами.

«Лизавета! Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими... Милые!.. Зачем они не плачут? Зачем они не стонут?.. Они всё отдают... глядят кротко и тихо... Соня, Соня! Тихая Соня!...» *(Раскольников)*

Старуха-процентщица

Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазами, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела.

Мармеладов

Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отеком от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, – пожалуй, был и смысл и ум, – но в то же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удаляться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся ском-

канная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье.

– Не понимаете вы меня! (...) Да и за что вознаграждать-то? Ведь он сам, пьяный, под лошадей полез! Каких доходов? От него не доходы, а только мука была. Ведь он, пьяница, всё пропивал. Нас обкрадывал да в кабак носил, ихнюю да мою жизнь в кабаке извел! И слава богу, что помирает! Убытку меньше! *(Катерина Ивановна)*

Разумихин

Разумихин имел свойство мигом весь высказываться, в каком бы он ни был настроении, так что все очень скоро узнавали, с кем имеют дело.

– Какой расторопный и... преданный молодой человек! – воскликнула чрезвычайно обрадованная Пульхерия Александровна.

– Кажется, славная личность! – с некоторым жаром ответила Авдотья Романовна, начиная опять ходить взад и вперед по комнате.

Авдотья Романовна

Авдотья Романовна была замечательно хороша собою – высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, что высказывалось во всяком жесте ее и что, впрочем, нисколько не отнимало у ее движений мягкости и грациозности. Лицом она была похожа на брата, но ее даже можно было назвать красавицей. Волосы у нее были темно-русые, немного светлей, чем у брата; глаза почти черные, сверкающие, гордые и в то же время иногда, минутами, необыкновенно добрые. Она была бледна, но не болезненно бледна; лицо ее сияло свежестью и здоровьем. Рот у ней был немного мал, нижняя же губка, свежая и алая, чуть-чуть выдавалась вперед, вместе с подбородком, – единственная неправильность в этом прекрасном лице, но придававшая ему особенную характерность и, между прочим, как будто надменность. Выражение лица ее всегда было более серьезное, чем веселое, вдумчивое; зато как же шла улыбка к этому лицу, как же шел к ней смех, веселый, молодой, беззаветный! Понятно, что горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный, как богатырь, и пьяный Разумихин, никогда не выдавший ничего подобного, с первого взгляда потерял голову. К тому же случай, как нарочно, в первый раз показал ему Дуню в прекрасный момент любви и радости свидания с братом. Он видел потом, как дрогнула у ней в негодовании нижняя губка в ответ на дерзкие и неблагоприятно-жесткие приказания брата, – и не мог устоять.

Лужин

Он уже надворный советник, (...) человек деловой и занятый (...). Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и как бы высокомерный. (...) Петр Петрович, по крайней мере по многим признакам, человек весьма почтенный. В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный, но во многом разделяет, как он сам выразился, «убеждения новейших поколений наших» и враг всех предрассудков. Много и еще он говорил, потому что несколько как бы тщеславен и

очень любит, чтоб его слушали, но ведь это почти не порок. Я, разумеется, мало поняла, но Дуня объяснила мне, что он человек хотя и небольшого образования, но умный и, кажется, добрый. Ты знаешь характер сестры твоей, Родя. Это девушка твердая, благоразумная, терпеливая и великодушная, хотя и с пылким сердцем, что я хорошо в ней изучила. Конечно, ни с ее, ни с его стороны особенной любви тут нет, но Дуня, кроме того что девушка умная, – в то же время и существо благородное, как ангел, и за долг поставит себе составить счастье мужа, который в свою очередь стал бы заботиться о ее счастье, а в последнем мы не имеем, покамест, больших причин сомневаться, хотя и скоренько, признаться, сделалось дело. К тому же он человек очень расчетливый и, конечно, сам увидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливее. А что там какие-нибудь неровности в характере, какие-нибудь старые привычки и даже некоторое несогласие в мыслях (чего и в самых счастливых супружествах обойти нельзя), то на этот счет Дунечка сама мне сказала, что она на себя надеется; что беспокоиться тут нечего и что она многое может перенести, под условием если дальнейшие отношения будут честные и справедливые. Он, например, и мне показался сначала как бы резким; но ведь это может происходить именно оттого, что он прямодушный человек, и непременно так. Например, при втором визите, уже получив согласие, в разговоре он выразился, что уж и прежде, не зная Дуни, положил взять девушку честную, но без приданого, и непременно такую, которая уже испытала бедственное положение; потому, как объяснил он, что муж ничем не должен быть обязан своей жене, а гораздо лучше, если жена считает мужа за своего благодетеля. Прибавлю, что он выразился несколько мягче и ласковее, чем я написала, потому что я забыла настоящее выражение, а помню одну только мысль, и, кроме того, сказал он это отнюдь не преднамеренно, а, очевидно, проговорившись, в пылу разговора, так что даже старался потом поправиться и смягчить; но мне все-таки показалось это немного как бы резко, и я сообщила потом Дуне. Но Дуня даже с досадой отвечала мне, что «слова еще не дело», и это, конечно, справедливо. Пред тем, как решиться, Дунечка не спала всю ночь и, полагая, что я уже сплю, встала с постели и всю ночь ходила взад и вперед по комнате; наконец стала на колени и долго и горячо молилась перед образом, а наутро объявила мне, что она решилась. (*Пульхерия Александровна, мать Раскольников*)

Это был господин немолодых уже лет, чопорный, осанистый, с осторожной и брюзгливою физиономией, который начал тем, что остановился в дверях, озираясь кругом с обидно-нескрываемым удивлением и как будто спрашивая взглядами: «Куда ж это я попал?» Недоверчиво и даже с аффектацией некоторого испуга, чуть ли даже не оскорбления, озирался он тесную и низкую «морскую каюту» Раскольникова.

Действительно, в общем виде Петра Петровича поражало как бы что-то особенное, а именно, нечто как бы оправдывавшее название «жениха», так бесцеремонно ему сейчас данное. Во-первых, было видно и даже слишком заметно, что Петр Петрович усиленно поспешил воспользоваться несколькими днями в столице, чтоб успеть принарядиться и прикраситься в ожидании невесты, что, впрочем, было весьма невинно и позволительно. Даже собственное, может быть даже слишком самодовольное, собственное сознание своей приятной перемены к лучшему могло бы быть прощено для такого случая, ибо Петр Петрович состоял на линии жениха. Всё платье его было только что от портного, и всё было хорошо, кроме разве того только, что всё было слишком новое и слишком обличало известную цель. Даже щегольская, новехонькая, круглая шляпа об этой цели свидетельствовала: Петр Петрович как-то уж слишком почтительно с ней обращался и слишком осторожно держал ее в руках. Даже прелестная пара сиреневых, настоящих жувеновских, перчаток свидетельствовала то же самое, хотя бы тем одним, что их не надевали, а только носили в руках для параду.

В одежде же Петра Петровича преобладали цвета светлые и юношесственные. На нем был хорошенький летний пиджак светло-коричневого оттенка, светлые легкие брюки, таковая же жилетка, только что купленное тонкое белье, батистовый самый легкий галстучек с розовыми полосками, и что всего лучше: всё это было даже к лицу Петру Петровичу. Лицо его, весьма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво сгущались возле светловыбритого блиставшего подбородка. Даже волосы, впрочем чуть-чуть лишь с проседью, расчесанные и завитые у парикмахера, не представляли этим обстоятельством ничего смешного или какого-нибудь глупого вида, что обыкновенно всегда бывает при завитых волосах, ибо придает лицу неизбежное сходство с немцем, идущим под венец. Если же и было что-нибудь в этой довольно красивой и солидной физиономии действительно неприятное и отталкивающее, то происходило уж от других причин.

А мы все давеча поняли, как он вошел, что этот человек не нашего общества. Не потому что он вошел завитой у парикмахера, не потому что он свой ум спешил выставить, а потому что он соглядатай и спекулянт; потому что он жид и фигляр, и это видно. Вы думаете, он умен? Нет, он дурак, дурак! Ну, пара ли он вам? (*Разумихин*)

Свидригайлов

Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Был он щегольски и комфортно одет и смотрел осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару, а руки были в свежих перчатках. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно, пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет.

Порфирий Петрович

Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей нечто гораздо более серьезное, чем с первого взгляда можно было от нее ожидать.

Пересказ романа «Преступление и наказание»

Часть первая

С первых строк романа мы встречаемся с Родионом Раскольниковым – молодым человеком, бывшим студентом, ныне задавленным бедностью до такой степени, что за долги его не кормят на квартире обедами, не убирают в комнате, а одежда его грязна и потрепана. Он

дошел до предела. Может, потому и родилась в его голове чудовищная идея убить старую процентщицу – «вошь», глупую и зловредную, заедающую чужой век. В полном подчинении у старухи – великовозрастная сестра Елизавета, добрая, но неразумная.

Старуха берет в заклад ценные вещи и дает за них весьма низкую цену, если же должник не смог выкупить вещь – то Алена Ивановна вправе продать её, выручив цену гораздо больше. Раскольников убеждает сам себя, что жизнь такого «вредного» существа мало стоит, и можно позволить себе «кровь по совести», чтобы на деньги, взятые у старушки, сделать счастливыми сотни юношей и девушек.

Зайдя в трактир, Раскольников знакомится с чиновником Мармеладовым, таким же «бывшим», как и Родион – бывший студент. Мармеладов на дне: он пьет горькую, дети голодают, жена больна чахоткой, его старшая дочь от первого брака, чтобы спасти семью от голодной смерти, пошла на панель.

Жизнь показывает Раскольникову примеры того, как ради рубля, ради пропитания преступаются абсолютные заповеди («не прелюбодействуй» – у Сони Мармеладовой), как его родные мать с сестрой, не в силах из-за бедности помочь ему – брату и сыну – оплатить учебу готовы пожертвовать Дуней – отдать ее замуж за скупого, расчетливого Лужина, который ищет невесту победнее, чтобы помыкать ею. Кроме того, сестра Дуня становится объектом домогательств помещика Свидригайлова, в доме которого работает.

Письмо от матери Родион читает с лицом, мокрым от слез: может, потому, что судьба его сестры – честной девушки – так близко напоминает судьбу проститутки Сони? Не имея возможности защититься от грубого Свидригайлова, не имея средств к существованию, она вынуждена «продавать» себя скупому Лужину, в котором мало человеческого. Решение окончательно созрело в душе юноши: теперь или никогда!

Случайно (и это выглядит как предопределенность) Родион узнает, в котором часу старуха будет дома одна, без сестры. Приготовления не заняли много времени, он все давно продумал: пришив под мышку пальто петлю для топора, чтобы не был виден, Раскольников направляется к старухе и убивает ее. Ужас от содеянного накрывает его сразу же, и он не может, как запланировал, взять все старухины ценные вещи и деньги – берет лишь часть, и то машинально. Ужас продолжается: домой приходит Елизавета, видит убитую сестру и Раскольникова с окровавленным топором! Тот убивает кроткую и добрую Елизавету...

Родион сразу же чувствует себя преследуемым. К старухе пришли посетители, преступнику с трудом удается ускользнуть из квартиры. Обессиленный, возвращается он домой и впадает в горячку безумия.

Часть вторая

После совершения преступления Раскольников болен, в горячке, в бреду. Его настойчиво мучат мысли, надежно ли спрятал он улики. По повестке он попадает в контору квартального надзирателя (вопрос о векселе, выданном ранее хозяйке). Там он впервые сталкивается с Никодимом Фомичом. Услышав разговор об убийстве процентщицы и ее сестры, Раскольников падает в обморок, чем, как ему кажется, себя выдает. Придя домой, он берет старухины вещи и кошелек и ищет место, где перепрятать. Чуть было не бросив в реку, он находит место под камнем, в глухом дворе.

После молодой человек попадает к старому знакомому Разумихину. Он и сам не знает, зачем пришел: спрашивает уроки, потом отказывается... Разумихин видит болезненное состояние приятеля и с тех пор начинает принимать в нем участие. Очнувшись через несколько дней, проведенных в горячке и беспамятстве, Раскольников обнаруживает Разумихина, уже вошедшего в доверие к хозяйке и прислуге Настасье. Он преданно ухаживает

за больным. Кроме Разумихина, в больном принимают участие доктор Зосимов и писмоводитель Заметов.

От него же, вслушиваясь в разговоры приходящих навещать больного, Раскольников узнает и линию расследования преступления, что так мучит его. Сначала на подозрении были Кох и Пестряков (они первыми нашли тела убитых), потом – маляр, нашедший выпавшие из кармана преступника серьги и понесший их закладывать. Маляр ни в чем не виновен, но из страха, «што засудят», полез в петлю...

Интерес юноши именно к этому преступлению очевиден всем окружающим, подозрения начинают сгущаться над ним.

Является для знакомства жених Авдотьи Романовны, сестры Раскольникова, – Петр Петрович Лужин. Застав Родиона в болезни, окруженным приятелями, Лужин пытается произвести на всех них благоприятное впечатление, но ни речи, ни внешний вид его одобрения у друзей Раскольникова не находят. Под конец встречи Родион грозит спустить Лужина с лестницы, происходит скандал.

Больной Родион, улучив минутку, сбегает из дома, и происходит цепь событий: разговор в трактире с Заметовым, где Раскольников дразнит писмоводителя, то окончательно сбивая его с толку, то, наконец убедив в собственной невиновности; Родион видит бабу-самоубийцу (недавно хотела повеситься – не дали соседи, на глазах Раскольникова бросается в реку – спасают; знающие бабу говорят: мол, допилась до чертиков); посещает место преступления (там красят, меняют обои, Родион осматривает полы и звонит в дверной колокольчик); наконец молодой человек становится свидетелем несчастного случая – под лошадей попал пьяный Мармеладов! Проявив горячее участие в судьбе умирающего, Раскольников показывает, где живет бывший чиновник, присутствует при последних его минутах, отдает вдове остаток денег, с трудом собранных матерью и сестрой и присланных ему, которые с момента получения, казалось, жгли ему руки: тут досталось и на выпивку девице легкого поведения, кому-то из полицейских успел он «сунуть в руку», когда несли домой Мармеладова, оплатил и доктора.

Вернувшись домой, Раскольников застаёт там мать и сестру: он забыл об их приезде. Те в слезах от известия о болезни их любимого Роди, в тревоге от его исчезновения. Увидев мать с сестрой, Раскольников падает в обморок. Мать и сестра понимают: известия о болезни не преувеличены...

Часть третья

Выясняется, что Родион совершенно не жалеет о выходке с Лужиным, более того – он прямо заявляет сестре, что не желает жертв ради него с ее стороны, требует расторгнуть помолвку: «Или я, или Лужин!». Все больше сближается с Пульхерией Александровной и Дуней Разумихин, влюбившийся в Дуню с первого взгляда.

Болезненное состояние Родиона пугает мать и сестру. Он знакомит их с Соней Мармеладовой: та пришла к Раскольникову, чтобы пригласить его на панихиду и поминки. Восхищение девушки поступком Родиона столь искренне, что мать и сестра сразу же прощают трату 25-ти рублей. Вечером должна состояться встреча дам с Петром Петровичем, женихом. В письме, присланном ранее, он ставит их в известность об оскорблении, нанесенном ему Раскольниковым; его условие – отсутствие Родиона на встрече («Иначе пеняйте на себя»). Дуня, однако, решает их свести, чтобы избежать недомолвок.

Родион, немного оправившись от болезни, начинает вести игру, цель которой – не быть пойманным. Он выстраивает диалоги с матерью, сестрой, Зосимовым, Разумихиным, через Разумихина организует визит к Порфирию – следователю. Этот визит потребовал от Раскольникова напряжения всех его сил, к тому же, Порфирий был готов к встрече. Он втягивает

Родиона в разговор, касающийся статьи студента «О преступлении», в котором объясняется точка зрения, позволяющая «кровь по совести» тому, кто принадлежит к избранным. Несомненно, Порфирий подозревает в Раскольникове «идеологического убийцу».

Примечательна встреча Раскольникова после знакомства с Порфирием – у своего дома он видит странного человека, который спрашивал о нем. В глаза тот называет Раскольникова «Убивец».

Четвертая часть

Состоялось знакомство Раскольникова со Свидригайловым, который пришел к нему в каморку. Рассказав историю своего брака с Марфой Петровной, Свидригайлов предлагает для Авдотьи Романовны десять тысяч рублей в дар, чтобы «облегчить разрыв с господином Лужиным». Раскольников ведет себя вызывающе, посодействовать во встрече с сестрой и передачей денег отказывается. На встрече с Лужиным происходит разрыв: Лужин показывает свое истинное лицо, и Дуня понимает, что не может связать жизнь с этим человеком. Вслед за радостью избавления от Лужина следует испуг: Родион объявляет, что пока не будет ходить к родным, просит забыть его на неопределенный срок. Братом и сыном становится у Раскольниковых преданный и влюбленный Разумихин.

Раскольников идет к Соне, повергает ее в смятение прямыми и жестокими вопросами. Он понимает, что Соня, хоть и блудница, но поневоле, ни одна капля разврата еще не попала к ней в душу. Больше всего на свете она жалеет бедных сирот и Катерину Ивановну, поэтому до сих пор не сошла с ума и не покончила с собой. Ее поддерживает вера в Бога и любовь к ближним. С удивлением слышит Раскольников, что Сонечка с покойной Лизаветой встречались, читали и разговаривали о божественном. Поклонившись Соне и поцеловав ее ногу, Раскольников произносит: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился». Молодые люди осознают, что у них возможно некое общее будущее и предназначение, но неясно, в чем оно состоит. Решающего признания Родион еще не сделал.

Весь разговор был подслушан Свидригайловым.

Перед походом на похороны Мармеладова Раскольников приходит к Порфирию. Из намеков следователя Родион понимает, что его подозревают. Измученный словесной игрой, Раскольников доходит почти до припадка. Внезапно врывается красильщик Николай и признается в убийстве, к полной неожиданности присутствующих.

Часть пятая

На поминках по Мармеладову произошел скандал. Болезненная гордость Катерины Ивановны послужила причиной того, что она крайне непочтительно обращалась к квартирной хозяйке, да и ко многим пришедшим («приличные» жильцы, которых ей как раз хотелось видеть, вовсе не пришли). Кроме того Лужин, желая восстановиться в правах жениха, хочет очернить Соню (а вместе с ней и Родиона) в глазах Дуни и ее матери: подкладывает Соне в карман деньги и обвиняет в воровстве. Однако господин Лебезятников случайно видел жест Лужина, и он вывел обманщика на чистую воду. Лужин опозорен: вдобавок Раскольников объясняет присутствующим причины его поступка: унижив в глазах Дуни брата и Соню, он рассчитывал вернуть расположение невесты.

Родион и Соня уходят вместе; у Сони герой признается девушке в совершенном убийстве. Та ужасается, но не осуждает, а жалеет Родиона за нравственные муки, на которые он себя обрек, и предлагает покаяться, понести заслуженное наказание и тем искупить свою вину. Раскольников же сокрушается только о том, что оказался «тварью дрожащей», с нрав-

ственными потребностями вроде совести и любви. «Я еще поборюсь», – не соглашается он с Соней.

В результате ссоры между Катериной Ивановной и квартирной хозяйкой вдову с детьми выставляют за порог. На улице у нее начинается горловое кровотечение, она умирает. Присутствующий при этом Свидригайлов предлагает оплатить похороны и обеспечить детей и Соню.

Часть шестая

У Раскольникова дома поджидает Порфирий, он убеждает юношу явиться с повинной: «теория», отрицающая нравственный – божественный – закон, отрезает преступника от самой жизни и от ее источника – Бога (что безошибочно почувствовал и сам Раскольников сразу же после совершения преступления), и тем самым обрекает своего пленника на смерть. Порфирий не верит в виновность Миколки. Раскольников упорствует: надеется, что все-таки сумеет «переступить» и нравственность.

Трагично оканчивается линия жизни Свидригайлова. Утратив Марфу Петровну, любящее сердце которой неустанно следило за ним и нуждалось в нем, Свидригайлов теряет интерес к жизни. Его «наклонности» не способны наполнить жизнь, духовное начало в нем самом или отсутствует, или очень слабо развито. Он надеется заполнить любовью к нравственному, чистому существу свою душу. Но личный разговор с Дуней убеждает его, что взаимности нет и быть не может, и через несколько часов он застреливается.

Раскольников неминуемо приближается к признанию, задыхаясь без «воздуха», о котором говорил Порфирий. Он прощается с родными и Соней. Презирая себя за «слабость», он, по настоянию Сони, на глазах народа покаянно целует землю, перед которой «согрешил». В полицейской конторе он узнает о самоубийстве Свидригайлова и наконец делает признание. Четко и ясно он отвечает на все вопросы, показывает место, где спрятано украденное. Ни одного рубля и ни одного предмета из украденного взято не было, так что часть купюр от непогоды подпортились.

Эпилог

Раскольников оказывается в Сибири, на каторге. Мать умерла, Дуня вышла замуж за Разумихина. Соня поселилась возле Раскольникова, ведет переписку с родными и навещает Родиона каждый день. Тот мрачен, безучастен. Не раскаявшись в душе, он по-прежнему отрезан от людей: даже окружающие каторжники – тоже преступники – ненавидят его, считая безбожником. Соню же, напротив, все любят. Попав в тюремный госпиталь, Родион видит сон: таинственные сущности под названием «трихины», вселяясь в людей, порождают в каждом фанатичную убежденность в собственной правоте и нетерпимость к «истинам» других. «Люди убивали друг друга в <...> бессмысленной злобе», пока не истребился весь род человеческий, кроме нескольких «чистых и избранных». Так, с помощью аллегории, Раскольников понимает, что гордыня, «умствование» ведут к разрозненности людей, к гибели, а смирение – к счастливому единству, любви. «Бесконечная любовь» сразу же в нем и пробуждается, она обращена к Сонечке. Раскольников берет в руки Евангелие. Он – на пороге «воскресения в новую жизнь». Какою будет эта жизнь, автор ни словом не обмолвился, поскольку повествование о том человеке, каким был Раскольников, закончено.

Фрагменты текста романа «Преступление и наказание»

Часть первая. Знакомство Раскольникова с Мармеладовым в трактире

II

Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время. Но теперь его вдруг что-то потянуло к людям. Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощутилась какая-то жажда людей. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной.

Хозяин заведения был в другой комнате, но часто входил в главную, спускаясь в нее откуда-то по ступенькам, причем прежде всего выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами. Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а всё лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок. За стойкой находился мальчишка лет четырнадцати, и был другой мальчишка моложе, который подавал, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; всё это очень дурно пахло. Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и всё до того было пропитано винным запахом, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным.

Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово. Такое точно впечатление произвел на Раскольникова тот гость, который сидел поодаль и походил на отставного чиновника. Молодой человек несколько раз припоминал потом это первое впечатление и даже приписывал его предчувствию. Он беспрерывно взглядывал на чиновника, конечно, и потому еще, что и сам тот упорно смотрел на него, и видно было, что тому очень хотелось начать разговор. На остальных же, бывших в распивочной, не исключая и хозяина, чиновник смотрел как-то привычно и даже со скукой, а вместе с тем и с оттенком некоторого высокомерного пренебрежения, как бы на людей низшего положения и развития, с которыми нечего ему говорить. Это был человек лет уже за пятьдесят, среднего роста и плотного сложения, с проседью и с большою лысиной, с отеками от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки. Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, – пожалуй, был и смысл и ум, – но в то же время мелькало как будто и безумие. Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удалиться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина. Да и в ухватках его действительно было что-то солидно-чиновничье. Но он был в беспокойстве, ерошил волосы и подпирал иногда, в тоске, обеими руками голову, положила продранные локти на залитый и липкий стол. Наконец он прямо посмотрел на Раскольникова и громко и твердо проговорил:

– А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным? Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного. Сам всегда уважал образованность, соединенную с

сердечными чувствами, и, кроме того, состою титулярным советником. Мармеладов – такая фамилия; титулярный советник. Осмелюсь узнать, служить изволили?

– Нет, учусь... – отвечал молодой человек, отчасти удивленный и особенным витиеватым тоном речи, и тем, что так прямо, в упор, обратились к нему. Несмотря на недавнее мгновенное желание хотя какого бы ни было сообщества с людьми, он при первом, действительно обращенном к нему слове вдруг ощутил свое обычное неприятное и раздражительное чувство отвращения ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотевшему только прикоснуться к его личности.

– Студент, стало быть, или бывший студент! – вскричал чиновник, – так я и думал! Опыт, милостивый государь, неоднократно опыт! – и в знак похвалы он приложил палец ко лбу. – Были студентом или происходили ученую часть! А позвольте... – Он привстал, покачнулся, захватил свою посудинку, стаканчик, и подсел к молодому человеку, несколько от него наискось. Он был хмелен, но говорил речисто и бойко, изредка только местами сбиваясь немного и затягивая речь. С какою-то даже жадностью накинута он на Раскольников, точно целый месяц тоже ни с кем не говорил.

– Милостивый государь, – начал он почти с торжественностью, – бедность не порок, это истина. Знаю я, что и пьянство не добродетель, и это тем паче. Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя. И отсюда питейное! Милостивый государь, месяц назад тому супругу мою избил господин Лебезятников, а супруга моя не то что я! Понимаете-с? Позвольте еще вас спросить, так, хотя бы в виде простого любопытства: изволили вы ночевать на Неве, на сенных барках?

– Нет, не случилось, – отвечал Раскольников. – Это что такое?

– Ну-с, а я оттуда, и уже пятую ночь-с...

Он налил стаканчик, выпил и задумался. Действительно, на его платье и даже в волосах кое-где виднелись прилипшие былинки сена. Очень вероятно было, что он пять дней не раздевался и не умывался. Особенно руки были грязны, жирные, красные, с черными ногтями.

Его разговор, казалось, возбудил общее, хотя и ленивое внимание. Мальчишки за стойкой стали хихикать. Хозяин, кажется, нарочно сошел из верхней комнаты, чтобы послушать «забавника», и сел поодаль, лениво, но важно позевывая. Очевидно, Мармеладов был здесь давно известен. Да и склонность к витиеватой речи приобрел, вероятно, вследствие привычки к частым кабачным разговорам с различными незнакомцами. Эта привычка обращается у иных пьющих в потребность, и преимущественно у тех из них, с которыми дома обходятся строго и которыми помыкают. Оттого-то в пьющей компании они и стараются всегда как будто выхлопотать себе оправдание, а если можно, то даже и уважение.

– Забавник! – громко проговорил хозяин. – А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?

– Для чего я не служу, милостивый государь, – подхватил Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову, как будто это он ему задал вопрос, – для чего не служу? А разве сердце у меня не болит о том, что я пресмыкаюсь втуне? Когда господин Лебезятников, тому месяц назад, супругу мою собственноручно избил, а я лежал пьяненькой, разве я не страдал? Позвольте, молодой человек, случилось вам... гм... ну хоть спрашивать денег займы безнадежно?

– Случалось... то есть как безнадежно?

– То есть безнадежно вполне-с, заранее зная, что из сего ничего не выйдет. Вот вы знаете, например, заранее и досконально, что сей человек, сей благонамереннейший и наиполезнейший гражданин, ни за что вам денег не даст, ибо зачем, спрошу я, он даст? Ведь он

знает же, что я не отдам. Из сострадания? Но господин Лебезятников, следящий за новыми мыслями, объяснял намерения, что сострадание в наше время даже наукой воспрещено и что так уже делается в Англии, где политическая экономия. Зачем же, спрошу я, он даст? И вот, зная вперед, что не даст, вы все-таки отправляетесь в путь и...

– Для чего же ходить? – прибавил Раскольников.

– А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти! Когда единородная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по желтому билету живет-с...) – прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека. – Ничего, милостивый государь, ничего! – поспешил он тотчас же, и по-видимому спокойно, заявить, когда фыркнули оба мальчишки за стойкой и улыбнулся сам хозяин. – Ничего-с! Сим покиванием глав не смущаюсь, ибо уже всем всё известно и всё тайное становится явным; и не с презрением, а со смирением к сему отношусь. Пусть! пусть! «Се человек!» Позвольте, молодой человек: можете ли вы... Но нет, изъяснить сильнее и изобразительнее: не *можете* ли вы, а *осмелитесь* ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?

Молодой человек не отвечал ни слова.

– Ну-с, – продолжал оратор, солидно и даже с усиленным на этот раз достоинством переждав опять последовавшее в комнате хихикание. – Ну-с, я пусть свинья, а она дама! Я звериный образ имею, а Катерина Ивановна, супруга моя, – особа образованная и урожденная штаб-офицерская дочь. Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого, и чувств, облагороженных воспитанием, исполнена. А между тем... о, если б она пожалела меня! Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели! А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая... И хотя я и сам понимаю, что когда она и вихры мои дерет, то дерет их не иначе как от жалости сердца (ибо, повторяю без смущения, она дерет мне вихры, молодой человек, – подтвердил он с сугубым достоинством, услышав опять хихиканье), но, боже, что если б она хотя один раз... Но нет! нет! всё сие втуне, и нечего говорить! нечего говорить!.. ибо и не один раз уже бывало желаемое, и не один уже раз жалели меня, но... такова уже черта моя, а я прирожденный скот!

– Еще бы! – заметил, зевая, хозяин.

Мармеладов решительно стукнул кулаком по столу.

– Такова уж черта моя! Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хотя сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил-с! Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою; а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью. Детей же маленьких у нас трое, и Катерина Ивановна в работе с утра до ночи, скребет и моет и детей обмывает, ибо к чистоте с измалетства привыкла, а с грудью слабою и к чахотке наклонною, и я это чувствую. Разве я не чувствую? И чем более пью, тем более и чувствую. Для того и пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу. Не веселья, а единой скорби ищу... Пью, ибо сугубо страдать хочу! – И он, как бы в отчаянии, склонил на стол голову.

– Молодой человек, – продолжал он, восклоняясь опять, – в лице вашем я читаю как бы некую скорбь. Как вошли, я прочел ее, а потому тотчас же и обратился к вам. Ибо, сообщая вам историю жизни моей, не на позорище себя выставить хочу перед сими празднующими, которым и без того всё известно, а чувствительного и образованного человека ищу. Знайте же, что супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила. Медаль... ну медаль-то продали... уж давно... гм...

похвальный лист до сих пор у ней в сундуке лежит, и еще недавно его хозяйке показывала. И хотя с хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры, но хоть перед кем-нибудь погордиться захотелось и сообщить о счастливых минувших днях. И я не осуждаю, не осуждаю, ибо сие последнее у ней и осталось в воспоминаниях ее, а прочее всё пошло прахом! Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная. Пол сама моет и на черном хлебе сидит, а неуважения к себе не допустит. Оттого и господину Лебезятникову грубость его не захотела спустить, и когда прибил ее за то господин Лебезятников, то не столько от побоев, сколько от чувства в постель слегла. Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше. Вышла замуж за первого мужа, за офицера пехотного, по любви, и с ним бежала из дому родительского. Мужа любила чрезмерно, но в картишки пустился, под суд попал, с тем и помер. Бивал он ее под конец; а она хоть и не спускала ему, о чем мне доподлинно и по документам известно, но до сих пор вспоминает его со слезами и меня им корит, и я рад, я рад, ибо хотя в воображениях своих зрит себя когда-то счастливой... И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной, что я хотя и много видал приключений различных, но даже и описать не в состоянии. Родные же все отказались. Да и горда была, чересчур горда... И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание. Можете судить потому, до какой степени ее бедствия доходили, что она, образованная и воспитанная и фамилии известной, за меня согласилась пойти! Но пошла! Плача и рыдая, и руки ломая – пошла! Ибо некуда было идти. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Нет! Этого вы еще не понимаете... И целый год я обязанность свою исполнял благочестиво и свято и не касался сего (он ткнул пальцем на полуштоф), ибо чувство имею. Но и сим не мог угодить; а тут места лишился, и тоже не по вине, а по изменению в штатах, и тогда прикоснулся!.. Полтора года уже будет назад, как очутились мы наконец, после странствий и многочисленных бедствий, в сей великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице. И здесь я место достал... Достал и опять потерял. Понимаете-с? Тут уже по собственной вине потерял, ибо черта моя наступила... Проживаем же теперь в угле, у хозяйки Амалии Федоровны Липпехель, а чем живем и чем платим, не ведаю. Живут же там многие и кроме нас... Содом-с, безобразнейший... гм... да... А тем временем возросла и дочка моя, от первого брака, и что только вытерпела она, дочка моя, от мачехи своей, возрастая, о том я умалчиваю. Ибо хотя Катерина Ивановна и преисполнена великодушных чувств, но дама горячая и раздраженная, и оборвет... Да-с! Ну да нечего вспоминать о том! Воспитания, как и представить можете, Соня не получила. Пробовал я с ней, года четыре тому, географию и всемирную историю проходить; но как я сам в познании сем был некрепок, да и приличных к тому руководств не имелось, ибо какие имевшиеся книжки... гм!.. ну, их уже теперь и нет, этих книжек, то тем и кончилось всё обучение. На Кире Персидском остановились. Потом, уже достигнув зрелого возраста, прочла она несколько книг содержания романического, да недавно еще, через посредство господина Лебезятникова, одну книжку – «Физиологию» Льюиса, извольте знать-с? – с большим интересом прочла и даже нам отрывочно вслух сообщала: вот и всё ее просвещение. Теперь же обращусь к вам, милостивый государь мой, сам от себя с вопросом приватным: много ли может, по-вашему, бедная, но честная девица честным трудом заработать?.. Пятнадцать копеек в день, сударь, не зарабатывает, если честна и не имеет особых талантов, да и то рук не покладая работавши! Да и то статский советник Клопшток, Иван Иванович, – изволили слышать? – не только денег за шитье полдюжины голландских рубах до сих пор не отдал, но даже с обидой погнал ее, затопав ногами и обозвав неприлично, под видом будто бы рубашечный ворот сшит не по мерке и косяком. А тут ребяташки голодные... А тут Катерина Ивановна, руки ломая, по комнате ходит, да красные пятна у ней на щеках выступают, – что в болезни этой и всегда

бывает: «Живешь, дескать, ты, дармоедка, у нас, ешь и пьешь, и теплом пользуешься», а что тут пьешь и ешь, когда и ребятишки-то по три дня корки не видят! Лежал я тогда... ну, да уж что! лежал пьяненькой-с, и слышу, говорит моя Соня (безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое), говорит: «Что ж, Катерина Ивановна, неужели же мне на такое дело пойти?» А уж Дарья Францевна, женщина злонамеренная и полиции многократно известная, раза три через хозяйку наведывалась. «А что ж, – отвечает Катерина Ивановна, в пересмешку, – чего беречь? Эко сокровище!» Но не вините, не вините, милостивый государь, не вините! Не в здравом рассудке сие сказано было, а при взволнованных чувствах, в болезни и при плаче детей не евших, да и сказано более ради оскорбления, чем в точном смысле... Ибо Катерина Ивановна такого уж характера, и как расплачутся дети, хоть бы и с голоду, тотчас же их бить начинает. И вижу я, эдак часу в шестом, Сонечка встала, надела платочек, надела бурнусик и с квартиры отправилась, а в девятом часу и назад обратно пришла. Пришла, и прямо к Катерине Ивановне, и на стол перед ней тридцать целковых молча выложила. Ни словечка при этом не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только наш большой драдедамовый зеленый платок (общий такой у нас платок есть, драдедамовый), накрыла им совсем голову и лицо и легла на кровать, лицом к стенке, только плечики да тело всё вздрагивают... А я, как и давеча, в том же виде лежал-с... И видел я тогда, молодой человек, видел я, как затем Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла к Сонечкиной постельке и весь вечер в ногах у ней на коленках простояла, ноги ей целовала, встать не хотела, а потом так обе и заснули вместе, обнявшись... обе... обе... да-с... а я... лежал пьяненькой-с.

Мармеладов замолчал, как будто голос у него пресекся. Потом вдруг поспешно налил, выпил и крикнул.

– С тех пор, государь мой, – продолжал он после некоторого молчания, – с тех пор, по одному неблагоприятному случаю и по донесению неблагонамеренных лиц, – чему особенно способствовала Дарья Францевна, за то будто бы, что ей в надлежащем почтении манкировали, – с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была получить, и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться. Ибо и хозяйка, Амалия Федоровна, того допустить не хотела (а сама же прежде Дарье Францевне способствовала), да и господин Лебезятников... гм... Вот за Соню-то и вышла у него эта история с Катериною Ивановной. Сначала сам добивался от Сонечки, а тут и в амбицию вдруг вошли: «Как, дескать, я, такой просвещенный человек, в одной квартире с таковскою буду жить?» А Катерина Ивановна не спустила, вступилась... ну и произошло... И заходит к нам Сонечка теперь более в сумерки, и Катерину Ивановну облегчает, и средства посильные доставляет... Живет же на квартире у портного Капернаумова, квартиру у них снимает, а Капернаумов хром и косноязычен, и всё многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... В одной комнате помещаются, а Соня свою имеет особую, с перегородкой... Гм, да... Люди беднейшие и косноязычные... да... Только встал я тогда поутру-с, одел лохмотья мои, воздел руки к небу и отправился к его превосходительству Ивану Афанасьевичу. Его превосходительство Ивана Афанасьевича извольте знать?... Нет? Ну так божия человека не знаете! Это – воск... воск перед лицом господним; яко тает воск!.. Даже прослезилась, изволив всё выслушать. «Ну, говорит, Мармеладов, раз уже ты обманул мои ожидания... Беру тебя еще раз на личную свою ответственность, – так и сказали, – помни, дескать, ступай!» Облобызал я прах ног его, мысленно, ибо взаправду не позволили бы, бывши сановником и человеком новых государственных и образованных мыслей; воротился домой, и как объявил, что на службу опять зачислен и жалование получаю, господи, что тогда было!..

Мармеладов опять остановился в сильном волнении. В это время вошла с улицы целая партия пьяниц, уже и без того пьяных, и раздались у входа звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок, певший «Хуторок». Стало шумно. Хозяин и при-

слуга занялись вошедшими. Мармеладов, не обращая внимания на вошедших, стал продолжать рассказ. Он, казалось, уже сильно ослаб, но чем более хмелел, тем становился словоохотнее. Воспоминания о недавнем успехе по службе как бы оживили его и даже отразились на лице его каким-то сиянием. Раскольников слушал внимательно.

– Было же это, государь мой, назад пять недель. Да... Только что узнали они обе, Катерина Ивановна и Сонечка, господа, точно я в царствие божие переселился. Бывало, лежи, как скот, только брань! А ныне: на цыпочках ходят, детей унимают: «Семен Захарыч на службе устал, отдыхает, тш!» Кофеем меня перед службой поят, сливки кипятят! Сливков настоящих доставать начали, слышите! И откуда они сколотились мне на обмундировку приличную, одиннадцать рублей пятьдесят копеек, не понимаю? Сапоги, манишки коленкоровые – великолепнейшие, вицмундир, всё за одиннадцать с полтиной состряпали в превосходнейшем виде-с. Пришел я в первый день поутру со службы, смотрю: Катерина Ивановна два блюда сготовила, суп и солонину под хреном, о чем и понятия до сих пор не имелось. Платьев-то нет у ней никаких... то есть никаких-с, а тут точно в гости собралась, приделалась, и не то чтобы что-нибудь, а так, из ничего всё сделать сумеют: причешутся, воротничок там какой-нибудь чистенький, нарукавнички, ан совсем другая особа выходит, и помолодела, и похорошела. Сонечка, голубка моя, только деньгами способствовала, а самой, говорит, мне теперь, до времени, у вас часто бывать неприлично, так разве, в сумерки, чтобы никто не видал. Слышите, слышите? Пришел я после обеда заснуть, так что ж бы вы думали, ведь не вытерпела Катерина Ивановна: за неделю еще с хозяйкой, с Амалией Федоровной, последним образом перессорились, а тут на чашку кофею позвала. Два часа просидели и всё шептались: «Дескать, как теперь Семен Захарыч на службе и жалование получает, и к его превосходительству сам являлся, и его превосходительство сам вышел, всем ждать велел, а Семена Захарыча мимо всех за руку в кабинет провел». Слышите, слышите? «Я, конечно, говорит, Семен Захарыч, помня ваши заслуги, и хотя вы и придерживались этой легкомысленной слабости, но как уж вы теперь обещаетесь, и что сверх того без вас у нас худо пошло (слышите, слышите!), то и надеюсь, говорит, теперь на ваше благородное слово», то есть всё это, я вам скажу, взяла да и выдумала, и не то чтоб из легкомыслия, для одной похвальбы-с! Нет-с, сама всему верит, собственными воображениями сама себя тешит, ей-богу-с! И я не осуждаю; нет, этого я не осуждаю!.. Когда же, шесть дней назад, я первое жалованье мое – двадцать три рубля сорок копеек – сполна принес, малявочкой меня назвала: «Малявочка, говорит, ты эдакая!» И наедине-с, понимаете ли? Ну уж что, кажется, во мне за краса, и какой я супруг? Нет, ущипнула за щеку: «Малявочка ты эдакая!» – говорит.

Мармеладов остановился, хотел было улыбнуться, но вдруг подбородок его запрыгал. Он, впрочем, удержался. Этот кабак, развращенный вид, пять ночей на сенных барках и штоф, а вместе с тем эта болезненная любовь к жене и семье сбивали его слушателя с толку. Раскольников слушал напряженно, но с ощущением болезненным. Он досадовал, что зашел сюда.

– Милостивый государь, милостивый государь! – воскликнул Мармеладов, оправившись, – о государь мой, вам, может быть, всё это в смех, как и прочим, и только беспокою я вас глупостию всех этих мизерных подробностей домашней жизни моей, ну а мне не в смех! Ибо я всё это могу чувствовать... И в продолжение всего того райского дня моей жизни и всего того вечера я и сам в мечтаниях летучих препровождал: и то есть как я это всё устрою, и ребятишек одену, и ей покой дам, и дочь мою однородную от бесчестья в лоно семьи возвращу... И многое, многое... Позволительно, сударь. Ну-с, государь ты мой (Мармеладов вдруг как будто вздрогнул, поднял голову и в упор посмотрел на своего слушателя), ну-с, а на другой же день, после всех сих мечтаний (то есть это будет ровно пять суток назад тому), к вечеру, я хитрым обманом, как тать в ночи, похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ, вынул что осталось из принесенного жалованья, сколько всего уж не помню, и вот-с,

глядите на меня, все! Пятый день из дома, и там меня ищут, и службе конец, и вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, взамен чего и получил сие одеяние... и всему конец!

Мармеладов стукнул себя кулаком по лбу, стиснул зубы, закрыл глаза и крепко оперся локтем на стол. Но через минуту лицо его вдруг изменилось, и с каким-то напускным лукавством и выделанным нахальством взглянул на Раскольникова, засмеялся и проговорил:

– А сегодня у Сони был, на похмелье ходил просить! Хе-хе-хе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.